

**СЕРИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ**

Дмитрий Узланер
Объективная
субъективность:
*психоаналитическая
теория субъекта*

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2021

УДК 159.964.2

ББК 88.3

У34

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Рецензенты:

к.филос.н. АЛЕКСАНДР СМУЛЯНСКИЙ

к.филос.н. АСЯ ФИЛАТОВА

Узланер, Д. А.

У34 **Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта [Текст] / Д. А. Узланер ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».** — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 208 с. — (Исследования культуры). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2192-2 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2216-5 (e-book).

Главная тема книги — человек как субъект. Автор раскрывает данный феномен и исследует структуры человеческой субъективности и интерсубъективности. В качестве основы для анализа используется психоаналитическая теория, при этом она помещается в контекст современных дискуссий о соотношении мозга и психической реальности в свете такого междисциплинарного направления, как нейропсихоанализ. От критического разбора нейропсихоанализа автор переходит непосредственно к рассмотрению структур субъективности и вводит ключевое для данной работы понятие объективной субъективности, которая рассматривается наряду с другими элементами структуры человеческой субъективности: объективная объективность, субъективная объективность, субъективная субъективность и т.д. В последних главах детально разбирается теория субъекта Жака Лакана, элементы которой иллюстрируют ключевые для этой работы интуиции, касающиеся анатомии человеческого субъекта, — в субъективном и интерсубъективном контекстах.

Книга предназначена для всех, кто интересуется современным психоанализом, а также философией сознания и человеческой субъективности.

УДК 159.964.2

ББК 88.3

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-2192-2

ISBN 978-5-7598-2192-2 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-2216-5 (e-book)

© Узланер Д.А., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
--------------------	---

ГЛАВА I

ПСИХОАНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	15
--	----

Бесконечные похороны Фрейда	17
---------------------------------------	----

О научности Фрейда и психоанализа	20
---	----

Нейропсихоанализ: нейронаука знакомится с Фрейдом	25
--	----

Поговорим о ножах для колки льда	31
--	----

Обеспокоенность статусом, или «Дяденька, я тоже ученый!»	36
---	----

Так почему же многие исследователи категорически отвергают психоанализ?	38
--	----

Несколько заключительных соображений	43
--	----

ГЛАВА II

НЕЙРОПСИХОАНАЛИЗ И ЕГО КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	45
---	----

Нейропсихоанализ и двухаспектный монизм	46
---	----

Мозг или психика? Концептуальные проблемы нейропсихоанализа	48
--	----

Нейропсихоанализ и проблема перевода	53
--	----

Не что, а кто: назад к субъекту 64

Нейропсихоанализ и критика идеологии 70

Заключение 73

ГЛАВА III

СТРУКТУРА ПСИХИЧЕСКОЙ

СУБЪЕКТИВНОСТИ

И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ 76

Субъективная реальность:

от объективной объективности

к субъективной объективности 78

Человеческое Я,

или субъективная субъективность 84

Объективная субъективность 88

Трансцендентальное Канта

vs трансцендентальное Фрейда 91

По ту сторону привычных делений 97

Структура психической интерсубъективности

и коллективный субъект 105

Заключение 114

ГЛАВА IV

МНОГОМЕРНЫЙ СУБЪЕКТ:

«ВООБРАЖАЕМЫЙ», «СИМВОЛИЧЕСКИЙ»

И «РЕАЛЬНЫЙ» РЕГИСТРЫ

(НА ПРИМЕРЕ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ) 118

Почему социология религии

нуждается в теории субъекта? 119

Почему Жак Лакан?	.126
«Эго — это другой», или объект внутри субъекта	.130
В объятиях Большого Другого	.138
Чего <i>ты</i> хочешь?: в поисках реального субъекта	.152
Заключение	.156
ГЛАВА V	
ВЗГЛЯД И ЕГО РОЛЬ В СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛФИ) . . .	158
Взгляд и его роль в конституировании субъекта	.163
Взгляд и желание субъекта	.172
«Быть рассматриваемым»: невыносимая неизбежность взгляда	.177
Взгляд и монструозное Реальное	.182
Заключение	.186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
БИБЛИОГРАФИЯ	194

Введение

ДАННАЯ работа посвящена исследованию структур человеческой субъективности. Быть субъектом, т.е. осознанно переживать мир от первого лица, — неотъемлемая и, вероятно, уникальная особенность человека. Однако при этом человеческая субъективность и ее структуры нередко выпадают из поля зрения академических исследований. Если почитать популярные работы, суммирующие естественнонаучный взгляд на человека, то в них вся человеческая сложность нередко сводится к двум элементам — мозгу (и в целом материальному субстрату) и сознанию, являющимся, по сути, двумя сторонами — материальной и идеальной — одного и того же. Из мозга и сознания затем выводится весь многомерный мир человеческих переживаний и человеческого поведения. Впрочем, даже сознание нередко оказывается под подозрением — эта странная мыслящая субстанция с трудом вписывается в материалистическую картину мира. Ее влияние на функционирование человека максимально нивелируется, а разговоры о ней зачастую не идут дальше рассмотрения его нейронных коррелятов.

Подобное избегание темы человеческой субъективности едва ли вызывает большое удивление. Как можно изучать то, что невозможно увидеть со стороны, что прак-

тически невозможно превратить в объект, доступный для наблюдения? Однако отказ от этого изучения по методологическим причинам — если мы не можем изучать что-то достоверным образом, значит, это что-то надо выносить за скобки или, в крайних случаях, отрицать — приводит к распространению упрощенческих представлений о человеке. Эти представления вытекают не из внимательного наблюдения за человеком в сложном социальном и психологическом контексте, но из наблюдений за тем, что удобно наблюдать. Например, за животными. Если удобнее и привычнее изучать животных, то, значит, и человека надо свести к этим животным, применяя к нему по аналогии те наблюдения, которые были сделаны в отношении обезьян. И всю человеческую сложность свести к животной простоте — мол, у человека все устроено так же, только чуть сложнее. Если эволюция когда-то превратила животное в человека, то некоторые мыслители прикладывают, похоже, все усилия для того, чтобы совершить обратное превращение — человека в животное: в смысле переописания человека так, чтобы он, согласно этому описанию, ничем от животного не отличался. Отсюда вырастают многочисленные работы о том, что социальное поведение человека ничем качественно не отличается от социального поведения бонобо. Что человеческие эмоции — лишь чуть более сложная вариация на тему собачьих эмоций. Что разгадку тайны человеческой памяти надо искать не в книгах, например, Марселя Пруста, но во внимательных наблюдениях за несчастной морской улиткой, которую в экспериментальных целях нещадно бьют током, вырабатывая у нее «память». Или, например, за человеком, но в стерильных лабораторных условиях, где человек сталкивается с упрощенными ситуациями и упрощенными переживаниями. Неудивительно, что и выводы о человеке, полученные в рамках таких исследований, будут не менее упрощенными и даже карикатурными.

Это «переописание» человека в животное, а также карикатурные нейроописания на основе лабораторных экспериментов проанализировал в своей книге «Как людей превращают в обезьян: нейромания, дарвиниты и искажение человеческой природы» нейроученый-скептик Реймонд Таллис¹.

В своей работе я буду говорить о том, что понимание человека невозможно без понимания структур человеческой субъективности. Что одного мозга и сознания недостаточно для того, чтобы охватить уникальный опыт человеческого существования в мире. Что человеческая субъективность является самостоятельным, сложным и многомерным измерением, заслуживающим отдельного изучения. Что человеческое сознание есть лишь один из элементов этой структуры. И что, несмотря на то что эти структуры связаны с мозгом, исследований мозга недостаточно для понимания этих структур. Я попытаюсь описать структуру человеческой субъективности, которая является тем дополнительным элементом, который — помимо мозга и сознания как малой части этой структуры — необходимо учитывать для того, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию человеческой реальности во всей ее сложности.

Эта структура человеческой субъективности будет рассматриваться мной с опорой на психоаналитическую традицию. Психоанализ, по словам Эрика Кандела, до сих пор представляет собой «наиболее когерентный и интеллектуально насыщенный взгляд на ментальное измерение человека (*mind*)»². И, кстати, в контексте этой цитаты нет

¹ Tallis R. *Aping Mankind. Neuromania, Darwinits and the Misrepresentation of Humanity*. Stocksfield, UK: Acumen Publishing Limited, 2011. Например, о памяти см. р. 123 и далее. См. также: *Legrenzi P., Umiltà C., Anderson F. Neuromania: On the Limits of Brain Science*. N.Y.: Oxford University Press, 2011.

² *Kandel E. Biology and the future of psychoanalysis. A new intellectual framework for psychiatry revisited* // Kandel E. *Psychiatry, Psycho-*

ничего удивительного в том, что маргинализация психоаналитической традиции совпала с маргинализацией и, по сути, забвением темы человеческой субъективности. Как пишет об этом Николас Роуз, «глубокое психологическое пространство», раскрывшееся в XX в. благодаря психоанализу и схожим направлениям, «уплощилось»³. Психоанализ, по сути, предложил новый объект для исследования — ум (*mind*) человека:

Это не был ум из XIX в. — «пространство рациональности, примыкающее к мозговой ткани (*coterminous with the cerebral tissues*)» — это было «моральное» пространство между органическим мозгом, с одной стороны, и социальным пространством поведения, с другой. Пространство, в котором отпечатывались семейные и человеческие отношения, а также, возможно, следы коллективного существования в обществе. Это пространство не могло быть увидено, но могло быть лишь проинтерпретировано аналитиками или вообразено поэтами и художниками⁴.

Однако

за последние 50 лет мы, люди, стали соматическими индивидами, теми, кто все более понимает себя, говорит о себе, действует по отношению к себе — и к другим — так, как будто бы мы определены нашей биологией. И эта со-

analysis, and the New Biology of Mind. Washington; L.: American Psychiatric Publishing, Inc., 2005. P. 64.

³ Rose N. The Politics of Life Itself. Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007. P. 192. В целом все работы Роуза заслуживают самого пристального внимания: Rose N. Governing the Soul. The Shaping of the Private Self. L.: Free Association Press, 1999; Rose N. Our Psychiatric Future. The Politics of Mental Health. Cambridge, UK; Medford, MA, USA: Polity Press, 2019; Rose N., Abi-Rached J.M. Neuro. The New Brain Sciences and the Management of the Mind. Princeton: Princeton University Press, 2013.

⁴ Rose N. The Politics of Life Itself. P. 194.

матизация начинает расширяться и на наше понимание различий в наших мыслях, желаниях, эмоциях и поведении, то есть на наши умы (*minds*). Если раньше наши желания, настроения и недовольства проецировались на карту психологического пространства, отныне они проецируются на само тело или же на конкретный орган этого тела — мозг⁵.

Пространство «между личностью и органами уплощается: ум — это то, что делает мозг»⁶. Мы незаметно превратились в «нейрохимические я»⁷.

В таком контексте вернуться к психоанализу и психоаналитической проблематике — значит попытаться снова обратить внимание на эту психологическую глубину и на те измерения человеческой субъективности, которые в этой глубине обретаются. В рамках психоанализа меня интересует школа Жака Лакана (1901–1981). Выбор Лакана вовсе не случаен — именно Лакан сделал субъекта предметом самого внимательного рассмотрения и, собственно, описал многие из элементов интересующей меня структуры⁸. Впрочем, далеко не все мои тезисы следуют за Лаканом — скорее, некоторые положения Лакана лишь иллюстрируют самостоятельный ход мысли⁹.

Работу можно условно поделить на две части. Первая часть, к которой относятся первые три главы, является бо-

⁵ Rose N. *The Politics of Life Itself*. P. 188. Также см.: Vidal F., Ortega F. *Being Brains. Making the Cerebral Subject*. N.Y.: Fordham University Press, 2018.

⁶ Rose N. *The Politics of Life Itself*. P. 198.

⁷ Ibid. P. 188.

⁸ Лучшее описание лакановской теории субъекта см.: Fink B. *The Lacanian Subject. Between Language and Jouissance*. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 36.

⁹ Особенно это касается второй и третьей глав данной книги. Детальный разбор собственно лакановских концепций наиболее полно представлен в четвертой и пятой главах.

лее концептуальной — ее задача в том, чтобы планомерно раскрыть тему человеческой субъективности, по крайней мере ту ее часть, которая может быть выявлена с помощью психоаналитического инструментария. Вторая часть, т.е. последние две главы, является более прикладной — в ней разбираются конкретные кейсы того, как психоаналитическая — лаканианская — теория субъективности может способствовать более нюансированному и глубокому пониманию целого ряда социальных и культурных феноменов.

Так как психоанализ часто подвергается критике за то, что его положения якобы были опровергнуты современной наукой, в частности современной научной психологией, а также различными исследованиями в рамках нейронауки, то первая глава как раз и будет посвящена этому вопросу. Я постараюсь рассмотреть современные дискуссии о научном статусе психоанализа, в том числе в контексте такого междисциплинарного направления, как нейропсихоанализ. Однако, на мой взгляд, той работы, которая была проделана в рамках нейропсихоанализа, при всей ее значимости хотя бы для реабилитации психоаналитической традиции в глазах академического сообщества, все же не совсем достаточно. В рамках нейропсихоанализа присутствует та же самая опасность упрощенческого понимания человеческой субъективности, которая способна скрыть пласты человеческого субъекта, находящиеся в центре внимания моего исследования. Поэтому вторая глава будет посвящена критическому рассмотрению нейропсихоанализа и указанию на то, что его подход недостаточен для раскрытия интересующей меня темы. Третья глава, являющаяся ключевой для данной работы, будет посвящена непосредственно анализу структуры человеческой субъективности. Я попытаюсь выделить основные элементы этой структуры — субъектность и субъективность, субъективную объективность и субъективную субъективность. Отсюда мы перейдем к ключевому для

нашей работы понятию — объективная субъективность, которая и является тем фундаментальным элементом, повсеместно выпадающим из исследований человека. Далее мы совершим переход от измерения субъективности к измерению интерсубъективности, а от него — к измерению коллективной субъективности. Этот переход необходим, так как человеческого субъекта невозможно рассматривать обособленно, он изначально вплетен в отношения с другими, отношения, которые во многом и задают структуру его субъективности.

Дальнейшие главы призваны пояснить и во многом развить те концептуальные соображения, которым была посвящена предыдущая часть работы. В этих главах дается детальный анализ теории субъекта Жака Лакана. Так, в четвертой главе речь пойдет о том, как нюансированная концепция человеческой субъективности помогает более глубокому пониманию современных религиозных процессов. В пятой главе будет рассмотрен феномен селфи и то, как через селфи проявляются элементы объективной субъективности, в частности взгляд Другого.

Глава I

Психоанализ в контексте современной науки¹

РУГАТЬ Фрейда и пренебрежительно относиться к психоанализу среди отечественных интеллектуалов стало чем-то вроде моды. Якобы Фрейд был мошенником, а сам психоанализ — чуть ли не псевдонаучной религиозной сектой. В эфире популярной радиостанции один доселе неизвестный мне господин даже пообещал посвятить разоблачению психоанализа ближайший Меморандум Комиссии по борьбе с лженаукой РАН², членом которой этот господин является. О ничтожестве Фрейда любит рассуждать и знаток всех наук Александр Глебович Невзоров. Способствует такому отношению и издаваемая на русском языке литература. Так, например, относительно недавно вышел русский перевод хорошо известной работы Дэвида Уэбстера «Почему Фрейд был не прав»³, в которой автор почти на 700 страницах детально разъясняет все ничтожество основателя психоанализа. Еще один пример — книга «Мозг и душа» Криса

¹ Эта глава основана на статье: *Узланер Д.* В защиту психоанализа // Неприкосновенный запас. 2017. Т. 114. № 4. С. 244–263.

² Программа «Наука в фокусе» // Радио «Эхо Москвы». 17 февраля 2017. <<http://echo.msk.ru/sounds/1929208.html>>.

³ *Вебстер Д.* Почему Фрейд был не прав. М.: АСТ, 2013.

Фрита⁴, изданная в серии научно-популярной литературы, которая почти целиком построена на едкой сатире в адрес Фрейда и противопоставлении ему сугубо научной психологии (к этой книге мы еще вернемся чуть ниже). В итоге надувается целый миф о псевдонаучности психоанализа.

Лично для меня последней каплей, побудившей к написанию данного текста, стало эссе Жюли Реше «Живой труп Фрейда: психоанализ vs нейронаука»⁵. Этот текст примечателен не столько своим содержанием, которое сводится к тезису о смерти Фрейда и обвинению психоаналитиков в желании сокрыть сей прискорбный факт перед лицом бурно развивающейся настоящей науки, сколько фигурой самого автора — директора Института психоанализа, причем не при каком-то сомнительном вузе, а при — как кажется — солидном европейском интеллектуальном Центре⁶. Что ж, если такое пишут целые директора институтов, то, значит, пришла пора поставить вопрос ребром.

Отмахнуться от вопроса о научности любому, для кого психоанализ — к какой бы школе человек ни принадлежал — что-то да значит, уже невозможно. Несоответствие достоверно установленным фактам — повод вывести любое интеллектуальное начинание за пределы серьезной дискуссии. И психоанализ тут — не исключение. Однако при этом надо всегда отдавать себе отчет: где действительное знание, а где — всего лишь спекуляции с позиций определенного мировоззрения, которое пытается выдать себя за настоящий научный взгляд на мир.

⁴ Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: CORPUS, 2010.

⁵ Реше Ж. Живой труп Фрейда: психоанализ vs нейронаука // Сигма. 26 ноября 2016 г. <<http://syg.ma/@zhiuli-rieshie/zhiuli-rieshie-zhivoi-trup-frieida-psikhoanaliz-vs-nieironauka>>.

⁶ The Global Center for Advanced Studies. <<https://globalcenterforadvancedstudies.org/>>.

В этой главе я постараюсь ответить на два принципиальных вопроса: во-первых, как обстоит дело с научностью психоанализа, действительно ли в последние годы случилось что-то, что должно заставить нас раз и навсегда отринуть Фрейда и всю ту область исследований, которую он инициировал; во-вторых, с чем все-таки связано столь резкое неприятие психоанализа со стороны целого ряда исследователей, выплескивающееся в периодически повторяющиеся нападки на самую легитимность психоаналитического начинания.

БЕСКОНЕЧНЫЕ ПОХОРОНЫ ФРЕЙДА

Первое, что вызывает недоумение при разговоре о смерти Фрейда, — это количество подобных смертей на протяжении последних 100 лет. Фрейда начали хоронить чуть ли не с того самого момента, как он в самом конце XIX в. впервые сформулировал идеи, приведшие к появлению психоанализа. Одно перечисление всех этих бесчисленных критиков с их бесчисленными критиками может составить вполне себе солидный том. Вот, например, лишь самые известные: «Фрейд, биолог разума» (1979)⁷, «Основания психоанализа: философская критика» (1984)⁸, «Упадок и падение империи Фрейда» (1985)⁹, «Почему Фрейд был не прав: грех, наука и психоанализ» (1995)¹⁰, «Подводя итог Фрейду» (1996)¹¹. Один разбор претензий к Фрейду — вполне себе тема для солидной докторской диссертации.

⁷ *Sulloway F.* Freud, Biologist of the Mind. N.Y.: Basic Books, 1979.

⁸ *Grünbaum A.* The Foundations of Psychoanalysis: A Philosophical Critique. Berkeley: University of California Press, 1984.

⁹ *Eysenck H.* Decline and Fall of the Freudian Empire. Harmondsworth: Penguin Books, 1986.

¹⁰ *Вебстер Р.* Почему Фрейд был неправ?

¹¹ *Crews F., Macmillan M.* Freud Evaluated: The Completed Arc. Cambridge: The MIT Press, 1996.

ции¹². И столько же раз, сколько его хоронили, Фрейд воскресал. Так что же дает современным критикам основание считать, что их нападки — это не просто очередное скучное повторение того же самого, но именно финальный вердикт истории, не подлежащий никакому обжалованию?

В 1993 г. на страницах «New York Review of Books» разразилась настоящая интеллектуальная битва, из которой родился термин — *Freud wars* (фрейдистские войны). Литературный критик и якобы бывший поклонник психоанализа Фредерик Крюс (Frederick Crews) обрушился на своего бывшего кумира с лавиной обвинений¹³. Эта дискуссия втянула в себя множество выдающихся интеллектуалов своего времени — от Адольфа Грюнбаума¹⁴, самого, наверное, дотошного критика Фрейда, до Томаса Нагеля¹⁵, известного американского философа, вставшего в этой войне на сторону психоанализа. Эта война привела к появлению ряда книг¹⁶, не говоря уже о многочисленных откликах в прессе.

Похожая история имела место во Франции, где в 2003 г. была предпринята попытка фактически поставить психоанализ вне закона¹⁷. Эта тщетная попытка спровоци-

¹² Например, в этой книге автор анализирует основных критиков Фрейда: *Robinson P.* Freud and His Critics. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1993.

¹³ Все критические материалы можно найти в этом издании: *Crews F.* The Memory Wars: Freud's Legacy in Dispute. N.Y.: New York Review of Books, 1995.

¹⁴ *Grünbaum A.* Letter to the editor // The New York Review of Books. August 11. 1994. Vol. 41. No. 14. P. 54–55.

¹⁵ *Nagel T.* Freud's permanent revolution // The New York Review of Books. 1994. Vol. 41. No. 9. P. 34–38.

¹⁶ См., например: *Gomez L.* The Freud Wars: An Introduction to the Philosophy of Psychoanalysis. L.; N.Y.: Routledge, 2005.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Aflalo A.* The Failed Assassination of Psychoanalysis. The Rise and Fall of Cognitivism / transl. from French by A.R. Price. L.: Karnac, 2015.

ровала целую бурю дебатов, в которую включились ведущие французские интеллектуалы¹⁸.

Привели ли эти атаки к смерти Фрейда? Естественно, нет. В ХХI в. Фрейд снова воскрес — на этот раз на волне интереса к нему со стороны нейронауки (об этом ниже).

Фрейда уже успели обвинить в личной непорядочности, в профессиональной непорядочности, в злоупотреблении кокаином, в мошенничестве, в покушении на сами устои человеческой цивилизации, в неуважении к духовно-нравственным ценностям человечества и т.д. Этой критике было столько, что в какой-то момент она начала уже сама себе противоречить. Так, например, самая знаменитая — по крайней мере в России — критика психоанализа, озвученная Карлом Поппером в работе «Нищета историцизма»¹⁹, гласит: психоанализ — это не наука, так как положения психоанализа не могут быть фальсифицированы, т.е. невозможно научно проверить их достоверность. Однако Адольф Грюнбаум, который с немецкой дотошностью препарировал психоанализ²⁰, начинает с радикального противоположного тезиса — психоанализ может быть сведен к экспериментально фальсифицируемым суждениям и на этом основании опровергнут²¹. Уже целые академические карьеры выстраиваются на борьбе с психоанализом: упоминавшейся выше Крюс посвятил всю жизнь критике Фрейда, которую он начал вести еще с 80-х годов

¹⁸ В частности, оппоненты Фрейда опубликовали «Черную книгу психоанализа» (см.: *Le Livre noir de la psychanalyse* / C. Meyer (ed.). Paris: Les Arènes, 2005). На это сторонники Фрейда ответили «Анти-черной книгой психоанализа» (см.: *L'anti-livre noir de la psychanalyse* / J.-A. Miller (ed.). Paris: Seuil, 2006).

¹⁹ Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.

²⁰ Grünbaum A. The Foundations of Psychoanalysis.

²¹ Хороший разбор Грюнбаума можно найти тут: *Robinson P.* Op. cit. Ch. "Adolf Grünbaum: The Philosophical Critique of Freud"; *Gomez L.* Op. cit. P. 16–33.

XX в. Венцом «моей борьбы» Крюса стала 800-страничная работа «Фрейд: от ученого к волшебнику», вышедшая в 2017 г.²²

Так есть ли в сегодняшнем покушении на Фрейда что-то новое или же это просто очередная стадия *Freud wars*?

О НАУЧНОСТИ ФРЕЙДА И ПСИХОАНАЛИЗА

Надо сказать, что критики психоанализа постоянно совершают целый ряд действий, которые вряд ли можно считать «честной игрой».

Во-первых, они атакуют Фрейда с позиций современной науки, так, как будто бы психоанализ с тех пор не развивался, а большинство психоаналитиков просто как попугаи повторяют догмы столетней давности. Едва ли честно критиковать Фрейда за незнание научных теорий или открытий, которые произошли уже после его смерти. Как справедливо отмечает американский психолог Дрю Уэстон,

отрицать психодинамическое мышление ввиду того, что теория инстинктов Фрейда или же его взгляды на женщин устарели, это все равно что отрицать современную физику на том основании, что Ньютон не понимал теории относительности²³.

Во-вторых, попытки обвинить Фрейда в личной или профессиональной нечистоплотности в контексте разговора о научности психоанализа также, мягко говоря, сомнительны. По справедливому замечанию все того же Уэ-

²² Crews F. Freud: The Making of an Illusion. N.Y.: Metropolitan Books, 2017.

²³ Weston D. The scientific legacy of Sigmund Freud: Toward a psychodynamically informed psychological science // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124. No. 3. P. 333–371.

тона, «время философской и *ad hominem* критики Фрейда прошло», желающие объявить начинание психоанализа мертвым должны сделать это с опорой на должную научную процедуру.

В-третьих, несправедливо нападать на психоанализ на основании поиска в текстах Фрейда очевидно ошибочных положений, которые там, безусловно, есть. Взгляды Фрейда на женщин, на гомосексуализм, его недооценка генетических факторов, его эксперименты с кокаином — все это справедливые основания для критики. Однако одновременно критики почему-то предпочитают не замечать то изменяющее все обстоятельство, что основополагающие положения психоаналитической теории уже давно нашли свое убедительное подтверждение. Фрейд

развивал несколько фундаментальных положений, которые в свое время вызывали споры и были отличительными признаками психоанализа, но которые с тех пор прошли испытание временем; многие из имплицитных и эксплицитных допущений, лежащих в основании той школы, которую Фрейд инициировал, сегодня покоятся на гораздо более надежном эмпирическом основании, чем это было повсеместно принято считать ранее. Пожалуй, это лучшее, на что может рассчитывать мыслитель, принадлежащий к быстро развивающейся дисциплине, подобной нашей [имеется в виду психология. — Д. У.], через 60 лет после своей смерти²⁴.

Дрю Уэстон суммировал научное наследие Фрейда по итогам XX в. в своей статье 1998 г. «Научное наследие Зигмунда Фрейда. По направлению к психологической науке, учитывающей психодинамическое измерение»²⁵. Он вы-

²⁴ Ibid. P. 362.

²⁵ Ibid.

делил пять основополагающих теоретических положений, на которых покоится психоанализ и которые «все в свое время были в высшей степени спорными с точки зрения психологической науки и ассоциировались исключительно с психоанализом»²⁶.

Во-первых, и это наиболее важно, значимая часть ментальной жизни — включая мысли, чувства и мотивы — является бессознательной, что значит следующее: люди могут демонстрировать поведение или же развивать симптомы, которые являются необъяснимыми для них самих. Во-вторых, ментальные процессы, включая процессы аффективные и мотивационные, могут функционировать параллельно, так что по поводу одного и того же человека или же одной и той же ситуации люди могут иметь конфликтующие чувства, тянущие их в разные стороны и нередко приводящие к компромиссным решениям. В-третьих, стабильные паттерны личности начинают складываться в детстве, детский опыт играет важную роль в развитии личности, особенно в определении того, как люди позднее будут выстраивать социальное взаимодействие. В-четвертых, ментальные представления себя, других и отношений направляют отношения с другими и влияют на то, как эти последние приводят к развитию психологических симптомов. Наконец, развитие личности подразумевает не только обучение регулированию сексуальных и агрессивных чувств, но также еще и движение от незрелого, социально зависимого состояния — к состоянию зрелости и взаимной зависимости [*interdependent*] [по отношению к социальному окружению]²⁷.

Каждое из этих положений получило в последние несколько десятилетий многочисленные экспериментальные под-

²⁶ *Weston D.* The scientific legacy of Sigmund Freud... P. 335.

²⁷ *Ibid.* P. 334–335.

тверждения — в своей работе Уэстон подробно разбирает их одно за другим²⁸.

Психоанализ ассоциируется в первую очередь с концепцией «бессознательного». Долгие годы,

вплоть до середины 1980-х психодинамически ориентированные психологи были единственными среди своих коллег, кто подчеркивал важность бессознательных мыслей, чувств и мотивов²⁹.

И вот в последней четверти XX в. появляется целая масса исследований, после которых отрицать бессознательное уже невозможно³⁰. Тезис о том, что «большинство ментальных процессов бессознательны», становится общепризнанным³¹. Далее начинаются споры о том, как именно следует концептуализировать это бессознательное, — например, в когнитивных науках речь идет исключительно о когнитивном бессознательном. Как указывает Марк Солмс,

в современной когнитивной науке бессознательное представляет собой хранилище автоматических и автоматизированных способностей к обработке информации и поведению [*automatic and automatized information-processing and behavioural capacities*]³².

²⁸ Более современный обзор научной актуальности положений Фрейда см.: Solms M. The scientific standing of psychoanalysis // BJPsych International. 2018. Vol. 15. No. 1. P. 5–8.

²⁹ Ibid. P. 336.

³⁰ Многочисленные примеры таких исследований приведены в статье Уэстона (Op. cit.).

³¹ Solms M. “The unconscious” in psychoanalysis and neuroscience: An integrated approach to the cognitive unconscious // A Bridge Between Psychoanalysis and Cognitive Neuroscience / M. Leuzinger-Bohleber, S. Arnold, M. Solms (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2017. P. 16–17.

³² Ibid. P. 17–18.

То есть для когнитивной науки не существует того, что Фрейд называл «Оно», или *Id*. Однако параллельно с когнитивной наукой развивается еще и аффективная нейронаука (например, Яак Панксепп (Jaak Panksepp)), представители которой в отличие от когнитивистов делают упор на аффективные процессы. Марк Солмз, систематизируя набор имеющихся у нас знаний о работе человеческого сознания, делает вывод: динамическое бессознательное Фрейда — это вполне современная научная концепция, основанная на многочисленных экспериментальных исследованиях³³.

Казалось бы, триумф Фрейда. Но нет! Критики Фрейда — что вновь заставляет усомниться в соблюдении ими принципов «честной игры» — начинают предпринимать колоссальные ревизионистские усилия, лишь бы доказать: бессознательное придумал вовсе не Фрейд, и вообще бессознательное — это нечто совершенно очевидное, о чем все всегда знали и с существованием чего никто никогда особенно не спорил. Или, например, говорят о «новом бессознательном» в противовес бессознательному «старому», ассоциирующемуся с фрейдизмом³⁴. Едва ли это справедливый подход. С тем же успехом можно утверждать, что Чарльз Дарвин не предложил ничего нового, — ведь многие люди и до Дарвина выдвигали идеи об эволюции (тот же Альфред Рассел Уоллас (Alfred Russel Wallace) сформулировал теорию эволюции раньше Дарвина).

Из этого повествования вовсе не следует вывод, что у психоанализа все прекрасно в плане научности. Даже самые симпатизирующие психоанализу ученые вынуждены признать: в силу своей истории психоанализ по причинам, которые будут отчасти затронуты в следующем разделе,

³³ Solms M. "The unconscious" in psychoanalysis and neuroscience. P. 31.

³⁴ В качестве примера см.: Mlodinow L. Subliminal: How Your Unconscious Mind Rules Your Behavior. N.Y.: Vintage; Reprint edition, 2013.

оказался отрезан от экспериментальной науки. Понять осторожное к нему отношение со стороны множества ученых вполне возможно. Тут трудно спорить с нобелевским лауреатом по физиологии и медицине 2000 г. Эриком Канделом, который, с одной стороны, считает психоанализ «наиболее когерентным и интеллектуально насыщенным взглядом на ум [mind]», а с другой — настаивает на том, что его успешное развитие в XXI в. должно быть обязательно сопряжено со сближением с экспериментальными науками³⁵.

Об этом сближении мы поговорим в следующем разделе.

НЕЙРОПСИХОАНАЛИЗ:

НЕЙРОНАУКА ЗНАКОМИТСЯ С ФРЕЙДОМ

Хорошо, статья Вестона вышла в 1998 г. Но, может быть, с тех пор произошло что-то невероятное, что должно заставить нас раз и навсегда покончить с Фрейдом? Давайте попробуем разобраться.

С начала XXI в. прямо на наших глазах происходит сближение психоанализа с нейронаукой. Символом этого сближения стало появление нового направления — нейропсихоанализа. Нейропсихоанализ обязан своим возникновением известному своим исследованиям сна ученому Марку Солмзу³⁶, профессору Университета Кейптауна,

³⁵ *Kandel E.* Biology and the future of psychoanalysis. A new intellectual framework for psychiatry revisited // *Kandel E.* Psychiatry, Psychoanalysis, and the New Biology of Mind. Washington; L.: American Psychiatric Publishing, Inc., 2005. P. 64.

³⁶ См., например: *Solms M., Turnbull O.* The Brain and the Inner World: An Introduction to the Neuroscience of Subjective Experience. L.; N.Y.: Other/Karnac, 2002. Есть и русский перевод одной из работ: *Каплан-Солмс К., Солмс М.* Клинические исследования в нейропсихоанализе. Введение в глубинную нейропсихологию. М.: Академический проект, 2016.

который сумел совместить в себе две идентичности — идентичность психоаналитика и идентичность нейропсихолога. В 2000 г. Солмз вместе с рядом коллег основывает Международное нейропсихоаналитическое общество. В это же время начинает издаваться журнал «Нейропсихоанализ»³⁷, в редакционную коллегию которого на сегодняшний день входит множество как ведущих нейрочеловеческих, так и ведущих психоаналитиков. Интересующимся этим направлением на стыке нейронауки и психоанализа можно порекомендовать научно-популярную книгу «На пашнях ума: исследуя новую науку нейропсихоанализа» (2015), написанную Кейси Шварц в предельно доступной для широкой публики форме³⁸. Более академическое рассмотрение нейропсихоанализа можно найти в монографии Георга Нортхофа «Нейропсихоанализ на практике. Мозг, Я и объекты» (2011)³⁹.

Базовая установка нейропсихоанализа заключается в том, что как нейронаука, так и психоанализ изучают одно и то же — человеческий ум. Но изучают его с двух разных сторон: нейронаука — извне как физический объект (мозг); психоанализ — изнутри как мир человеческой субъективности. По мнению представителей нейропсихоанализа,

мы должны извлечь всю возможную пользу из того обстоятельства, что наш психический аппарат может восприниматься с двух разных сторон. Если мы будем смотреть на него своими собственными глазами (т.е. через направленную вовне перцептивную поверхность), то мы увидим мозг: влажный, желеобразный, дольковатый, врос-

³⁷ Официальный сайт журнала: <<http://www.tandfonline.com/toc/rnpa20/current>>.

³⁸ Schwartz C. In the Mind Fields: Exploring the New Science of Neuropsychanalysis. N.Y.: Vintage Books, 2015.

³⁹ Northoff G. Neuropsychanalysis in Practice. Brain, Self, and Objects. N.Y.: Oxford University Press, 2011.

ший в прочие ткани тела. Однако же если мы будем наблюдать за ним через нашу внутренне направленную перцептивную поверхность, то мы столкнемся с ментальными состояниями, такими как желание или удовольствие. Если мы примем подобный философский подход, то из него естественным образом вытекает желание использовать оба возможных взгляда на наш объект исследования, т.е. и взгляд извне, и взгляд изнутри⁴⁰.

Такая философская позиция обозначается как «двухаспектный монизм» (*dual-aspect monism*). В качестве предшественника своего подхода сторонники нейропсихологического анализа часто указывают советского нейропсихолога Александра Робертовича Лурия, который в своих работах «Потерянный и возвращенный мир»⁴¹, а также «Маленькая книжка о большой памяти»⁴² как раз и дает пример продуктивного совмещения внутренней и внешней перспективы (в ранние годы, когда это еще не было запрещено, Лурия сам принадлежал к психоаналитической школе⁴³).

Согласно Марку Солмзу, нейропсихологический анализ воспроизводит логику самого Фрейда, только на качественно новом витке развития науки. Сам Фрейд начинал именно как представитель экспериментальной науки, однако исследования мозга его времени не позволяли совершить переход к изучению человеческого ума во всей его полноте. В итоге Фрейду пришлось оставить экспериментальную науку

⁴⁰ Solms M., Turnbull O. What is neuropsychanalysis? // Neuropsychanalysis: An Interdisciplinary Journal for Psychoanalysis and the Neurosciences. 2011. Vol. 13. No. 2. P. 137.

⁴¹ Лурия А.Р. Потерянный и возвращенный мир. М.: Издательство Московского университета, 1971.

⁴² Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М.: Издательство Московского университета, 1968.

⁴³ Лурия А.Р. Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Обзор. Казань: Красный печатник, 1923.

и пуститься в рискованное плавание по волнам человеческой субъективности, изучаемой отныне исключительно психологическими средствами. Однако он не оставлял надежды однажды поставить свой подход на твердые экспериментальные рельсы — для этого надо было лишь дожидаться того момента, когда исследования мозга разовьются настолько, чтобы иметь возможность полноценной работы с человеческой субъективностью.

Нейропсихоаналитики любят приводить следующие две цитаты из самого Фрейда для подтверждения своей позиции:

необходимо помнить, что все временно нами допущенные психологические положения придется когда-нибудь перенести на почву их органической основы... Мы считаемся с такой возможностью, подставляя вместо особых химических веществ соответствующие особые психические силы⁴⁴.

Недостатки нашего описания, вероятно, исчезли бы, если бы психологические термины мы могли заменять физиологическими или химическими терминами⁴⁵.

С точки зрения сторонников нейропсихоанализа, этот момент в развитии экспериментальной науки настал — стремительные прорывы в области нейронаук последних лет позволяют, наконец, начать экспериментальные исследования тех областей, которыми до этого занимались лишь психоаналитики.

Действительно, внимательное наблюдение за работой человеческого сознания не могло не натолкнуть нейрочеловеков на те же самые феномены, которые уже давным-дав-

⁴⁴ Фрейд З. О нарциссизме // Фрейд З. Я и Оно / пер. с нем. М.В. Вульфа. М.: Эксмо, 2016. С. 637.

⁴⁵ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Я и Оно. С. 759.

но были описаны Фрейдом. Например, один из, наверное, самых известных нейроученых мира Вилейанур Рамачандран (Vilayanur S. Ramachandran), которого трудно заподозрить в симпатиях к психоанализу, в своей книге «Фантомы мозга»⁴⁶ вынужден, помимо многочисленной критики, в том числе и признать заслуги Фрейда, в частности открытие им «защитных механизмов». Рамачандран описывает любопытный феномен, с которым он столкнулся в процессе своей практики: человек с парализованной конечностью яростно отрицает факт своего недуга. Пожилая дама с парализованной рукой никак не хочет признавать эту новую реальность и продолжает вести себя так, как будто бы с ее руками все в порядке. Эти наблюдения подтолкнули его к размышлениям:

Наблюдать за такими пациентами — это как наблюдать за природой человека через увеличительное стекло; мне тут же на ум приходят все грани человеческой глупости, я начинаю думать о том, насколько сильно мы все склонны к самообману. Здесь в теле пожилой женщины, сидящей на кресле-каталке, мы видим комически преувеличенную версию всех тех психологических защитных механизмов, о которых Зигмунд и Анна Фрейд писали еще в начале XX века. Этими защитными механизмами пользуемся мы все — я, вы и все остальные в тот момент, когда сталкиваемся с беспокоящими нас фактами о самих себе⁴⁷.

Далее Рамачандран с опорой на Фрейда подробно описывает каждое из тех ухищрений, которые используются пациентом, лишь бы не признавать катастрофическую для себя истину. Хотя он и не согласен с теми объяснениями, которые использовал Фрейд, он не может не признать:

⁴⁶ *Ramachandran V.S., Blakeslee S. Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries of the Human Mind. L.: Fourth Estate Ltd, 1999.*

⁴⁷ *Ibid. P. 130.*

Критика Фрейда — это популярное интеллектуальное занятие наших дней (хотя у него по-прежнему сохраняются фанаты в Нью-Йорке и Лондоне). Однако, как было показано в этой главе, у него были некоторые ценные прозрения, касающиеся человеческого состояния; он был прав, когда говорил о психологических защитных механизмах, пусть у него и не было ни малейшего представления о том, почему они развиваются и при посредстве каких нейронных механизмов⁴⁸.

Нет ничего удивительного в том, что сегодня Рамачандран входит в редакционную коллегию журнала «Нейропсихоанализ»⁴⁹.

Начинание нейропсихоанализа не бесспорно — у него есть критики как со стороны психоанализа (к этому мы вернемся чуть ниже)⁵⁰, так и со стороны тех, кто психоанализ не приемлет категорически⁵¹. Однако прошедшие 20 лет доказали — перед нами серьезное начинание, которое едва ли можно с легкостью списывать со счетов.

Если подводить какой-то предварительный итог моему обзору, то пока мне так и не удалось обнаружить тех оснований, по которым психоанализ должен быть списан с корабля современности.

⁴⁸ Ramachandran V.S., Blakeslee S. *Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries of the Human Mind*. L.: Fourth Estate Ltd, 1999. P. 156.

⁴⁹ См.: <<http://www.tandfonline.com/action/journalInformation?show=editorialBoard&journalCode=rnpa20>>.

⁵⁰ Blass R.B., Carmeli Z. The case against neuropsychanalysis. On fallacies underlying psychoanalysis' latest scientific trend and its negative impact on psychoanalytic discourse // *The International Journal of Psychoanalysis*. 2007. Vol. 88. No. 1. P. 19–40. Примечателен также и последовавший за этим ответ со стороны сторонников нейропсихоанализа. См.: Yovell Y., Solms M., Fotopoulou A. The case for neuropsychanalysis: Why a dialogue with neuroscience is necessary but not sufficient for psychoanalysis // *The International Journal of Psychoanalysis*. 2015. Vol. 96. No. 6. P. 1515–1553.

⁵¹ Ramus F. What's the point of neuropsychanalysis? // *The British Journal of Psychiatry*. 2013. Vol. 203. No. 3. P. 170–171.

Но тут возникает следующий аспект: может быть, психоанализ и не так уж и неверен как исследовательское направление, но одновременно это конкретный метод лечения, который на сегодняшний день сильно уступает гораздо более простым, эффективным и клинически доказанным способам психологической помощи.

ПОГОВОРИМ О НОЖАХ ДЛЯ КОЛКИ ЛЬДА

Это несколько субъективный момент, но лично для меня доверие к овеванным авторитетом науки «эффективным» средствам воздействия на человеческую личность кончилось после ознакомления с классической работой Дональда Хебба «Организация поведения: нейропсихологическая теория» (1949). В этой книге, как говорят, до сих пор используемой как учебник, американский ученый помимо всего прочего уделяет целую главу проблемам эмоциональных расстройств, где поднимает вопрос об эффективности психотерапии вообще и психоанализа в частности. С его точки зрения, эффективность психотерапии никак научно не доказана — как бы психоанализ ни старался доказать свою эффективность в исцелении душевных расстройств, нет никаких научных данных в его пользу. А в пользу чего есть триумфальные научные данные? Что же такое должно, как считает Хебб, прийти на смену психоанализу? Тут Хебб торжественно ссылается на доктора Уолтера Фримена (1895–1972) и внедренную им технологию лоботомии. Этому революционному способу борьбы с депрессией — наряду с шоковой терапией — посвящен заключительный раздел. Лоботомия преподносится как пример триумфа науки над всякими ретроградными методами.

Книга не зря вышла в 1949 г. — именно в этом году Нобелевскую премию по физиологии и медицине получил Антониу Эгаш Мониш — португальский нейрохирург, ко-

торый и придумал сверлить людям мозг в надежде исцелить их от душевных расстройств. Уолтер Фримен, своеобразный Генри Форд от лоботомии, в 40-х годах XX в. революционизировал процедуру — отныне для ее проведения не требовались никакие особые медицинские процедуры, достаточно было ножа для колки льда и простого молотка. Нож вбивался человеку в мозг молотком через глазницу, далее несколько ловких движений кистью руки — и пациент «здоров». Это невероятно, но данный способ считался передовым, научно обоснованным способом лечения психических расстройств на протяжении многих лет. У этого супернаучного способа воздействия был один маленький недостаток — после него человек превращался в «овощ». Симптомы заболеваний у него действительно исчезали, но был ли это еще человек или же нечто, что когда-то этим человеком было, сказать трудно...

Сам Фримен⁵² колесил по США на своем фургончике, предлагая каждому, кто испытывает психические расстройства, испытать — всего за несколько десятков долларов — чудодейственный способ лечения. Делал он свои операции в том числе и несовершеннолетним детям. История одного из них была изложена в автобиографической книге⁵³. После того как, наконец, спустя много лет (!!!!) были выявлены побочные эффекты лоботомии, от ее повсеместного использования отказались, а сам Фримен до конца своих дней ездил по Америке в поисках бывших пациентов: он очень хотел доказать (себе?), что его лечение действительно помогало. Циники скажут, что запрет ло-

⁵² Хороший документальный фильм про Уолтера Фримена можно посмотреть здесь: *The Lobotomist* (2008) // YouTube <<https://www.youtube.com/watch?v=DMkbYLlk-gU>>.

⁵³ *Dully H., Fleming Ch. My Lobotomy: A Memoir.* N.Y.: Broadway Books, 2008.

ботомии был связан вовсе не со вновь выявленными побочными эффектами, а с появлением гораздо более эффективных способов воздействия, уже не требовавших физического воздействия на мозг, — речь идет о «химической лоботомии» с помощью таблеток.

Надо ли говорить, что мистер Фриман — сюрприз! сюрприз! — презирал психоаналитиков и психоаналитический подход⁵⁴. Ведь его подход был настоящей наукой, настоящим прогрессом человеческого знания! Психоаналитики же были в числе тех немногих, кто возвышал голос против этого эффективного, эмпирически обоснованного способа «излечения» душевных расстройств⁵⁵.

В 1941 г. на заседании Американской медицинской ассоциации сэр Рой Р. Гринкер, психоаналитик, проходивший лечение у самого Фрейда, возвысил голос против лоботомии⁵⁶. Он считал, что редуцирование психических расстройств исключительно к органической основе опирается на недоказанную гипотезу, а устранение таких симптомов, как тревога (*anxiety*), путем уничтожения мозговой ткани едва ли может считаться правильным. Гринкер намекал на то, что психологические проблемы могут быть связаны не только с органикой, что они могут иметь другие причины, как то полагали сторонники психоаналитической терапии. В целом он ставил под вопрос этичность лоботомии как метода лечения — особенно применительно к детям. В ответ Фриман презрительно заметил, что его оппонент апеллирует к эмоциям, а эмоциям нет

⁵⁴ Как пишет Дженнел Джонсон в книге «Американская лоботомия: риторическая история», Фриман «оставил множество уничижительных замечаний по поводу психоанализа как в своих личных записях, так и в переписке» (*Johnson J. American Lobotomy: A Rhetorical History*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2014. P. 182).

⁵⁵ См., например: *Johnson J. American Lobotomy: A Rhetorical History*. P. 33ff.

⁵⁶ Вся история приведена здесь: *Ibid.* P. 33–37.

места в настоящей науке. Лоботомист считал, что сопротивление его прогрессивному методу идет от религиозного мракобесия и нежелания расставаться с иллюзиями под натиском научного прогресса. В частности, он сказал:

Все еще сохраняется тенденция рассматривать мозг как «храм ума», «трон души» и «великий дар Божий», при этом изгоняется любая мысль о том, что в эту священную структуру можно вторгаться. Как же трудно избавиться от кандалов средневекового мышления⁵⁷.

Гринкер отреагировал на выпады Фримана достаточно эмоционально:

Д-р Фриман упоминает то обстоятельство, что моя позиция определяется эмоциями. Мол, я не говорю «знаю» или «уверен», но лишь «чувствую», так как я на самом деле не знаю; вероятно, кто-то из вас, возможно, даже сам д-р Фриман, полагает, будто бы префронтальная лоботомия может избавить меня от моей тревоги, но я действительно встревожен, я чрезвычайно встревожен по этому поводу, я чувствую тревогу, обращенную в будущее, тревогу, касающуюся будущей заботы о... большой группе людей, блуждающей по этой стране с психозами и психоневрозами, которые, если не соблюдать предельную осторожность, могут оказаться покалеченными этой операцией⁵⁸.

Как видно по этой цитате, дискуссия о лоботомии выводит нас за рамки конкретного эпизода из истории медицины. Мы сталкиваемся с куда более серьезным вопросом — вопросом, касающимся тревоги за собственно человеческое измерение в человеке. Человеческая субъективность, человеческая душа — это не просто производная от органического базиса, которой можно произвольно манипулировать с помощью, например, ножа для колки льда, это

⁵⁷ Johnson J. American Lobotomy: A Rhetorical History. P. 36.

⁵⁸ Ibid.

особая вселенная, особый мир, требующий деликатности, уважения к собственной сложности. Именно эту вселенную отстаивал психоанализ в лице Гринкера в своем этическом, эмоциональном неприятии лоботомии.

Лоботомия — это лишь крайний пример гиперэффективных (а, по сути, псевдоэффективных) и невероятно научных способов воздействия на человека, игнорирующих или открыто презирующих — подобно доктору Фриману — собственно человеческое измерение человека. Это поиск каких-то волшебных кнопочек в голове, нажав на которые можно избавиться от страданий, выключить неприятные симптомы, мешающие человеку стать «нормальным». В этом смысле устраняющие душевные расстройства некогда модные компьютерные алгоритмы психотерапевтической помощи, вульгарно понятая когнитивно-бихевиоральная терапия (формула которой — «русская собака Павлова + американский компьютер = человек»⁵⁹) или же специальные лечебные наркотики, быстро поднимающие настроение, ничем не лучше лоботомии — это все то же отрицание человечности, человеческой субъективности⁶⁰.

⁵⁹ Aflalo A. The Failed Assassination of Psychoanalysis. P. 137.

⁶⁰ Подробнее о специфике психоанализа перед лицом наступающих наукообразных подходов к душевным расстройствам пишет Элизабет Рудинеско в своей книге «Почему психоанализ?» (*Roudinesco E. Why Psychoanalysis? / transl. by R. Bowlby. N.Y.: Columbia University Press, 2002*).

По поводу эффективности психоанализа интерес представляет эта журналистская статья (*Burkeman O. Therapy wars: the revenge of Freud // The Guardian. January 7. 2016. <<https://www.theguardian.com/science/2016/jan/07/therapy-wars-revenge-of-freud-cognitive-behavioural-therapy>>*), которая, в свою очередь, основана на следующей научной работе: *Fonagy P., Rost F., Carlyle J.-A., Mcpherson S., Thomas R., Fearon P., Goldberg D., Taylor D. Pragmatic randomized controlled trial of long-term psychoanalytic psychotherapy for treatment-resistant depression: The Tavistock Adult Depression Study (TADS) // World Psychiatry. 2015. Vol. 14. No. 3. P. 312–321.*

ОБЕСПОКОЕННОСТЬ СТАТУСОМ,
ИЛИ «ДЯДЕНЬКА, Я ТОЖЕ УЧЕНЫЙ!»

Дальнейшее погружение в удивительный мир критиков психоанализа выводит на еще один интересный сюжет, на это раз имеющий отношение к представителям социальных и гуманитарных наук. Я говорю об обеспокоенности статусом со стороны тех, чье академическое признание находится под постоянным знаком вопроса — а действительно ли то, что они делают, является наукой? Эта обеспокоенность в качестве следствия приводит к неприятию всего, что может быть хотя бы косвенно заподозрено в недостаточной научности. Здесь важно то, что перед нами забота не об истине, но лишь о том, чтобы выглядеть научно в глазах своих более уважаемых коллег, «настоящих ученых». Приведу два конкретных примера из разных дисциплин.

В самом начале главы я упомянул книгу Криса Фри-та «*Making up the Mind: How the Brain Creates Our Mental World*»⁶¹, которую на русский язык перевели как «Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир». Всю книгу можно прочесть как драматическое повествование о том, как ее автор, профессор психологии, пытается всеми силами доказать своему воображаемому собеседнику, профессору физики, что он не какой-то там софист, а настоящий ученый, такой же ученый, как и сам этот физик. В качестве мальчика для битья в повествование введен профессор английского языка, являющийся, естественно, сторонником психоанализа. «Дяденька, я тоже ученый!» — как бы кричит автор этого опуса на каждой из 300 страниц. В какой-то момент

⁶¹ *Frith Ch. Making up the Mind: How the Brain Creates Our Mental World. Hoboken, NJ: Blackwell Publishing, 2007. [Рус. изд.: Фритх К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: CORPUS, 2010.]*

даже проникаешься искренней симпатией к этому немолодому мужчине, пытающемуся изо всех сил зарекомендовать себя перед воображаемыми друзьями. Но есть одна проблема — большая часть книги посвящена разным фокусам, типа слепых пятен, которые, безусловно, интересны, но вряд ли ассоциируются со словами, вынесенными в название книги: «душа» (в русском переводе) или же *mind* (в английском оригинале). В своем стремлении доказать воображаемому физику, какой он ученый, автор фактически превращает психологию в «физиологию восприятия», старательно избегающую любых собственно психологических сюжетов (например, желания или фантазии), так как они быстро столкнулись повествование с гладких сциентистских рельсов. Вновь перед нами игнорирование человеческой субъективности, которая оказывается ненужной в этой погоне за статусом и престижем.

Аналогичный пример обеспокоенности статусом (*status anxiety*) демонстрируют социологи. Так, в середине XX в. в американской социологии происходит качественная трансформация — переход от социологии эссеистского типа, частью которой были психоаналитические подходы, к социологии позитивистской, помешанной на точности и строгости используемых исследовательских методов⁶². Причиной этого перехода была не в последнюю очередь тревога по поводу статуса своей дисциплины в глазах представителей более научных дисциплин, равно как и желание убедить чиновников и спонсоров от науки не сокращать бюджеты на социальные исследования. Ну и еще призрачная надежда однажды ввести социологию в число дисциплин, за которые будет присуждаться Нобелевская премия. Результатом этой погони за

⁶² Подробнее см.: The Unhappy Divorce of Sociology and Psychoanalysis: Diverse Perspectives on the Psychosocial / L. Chancer, J. Andrews (eds). L.: Palgrave Macmillan, 2014.

статусом стало доминирование количественных методов, приведшее к вытеснению менее строгих подходов, равно как и действительно интересных исследовательских вопросов. Подобный поворот не дал ожидаемого результата, заведя, по сути, социологию в тупик: точных результатов как не было, так и нет, но к неточности прибавилось еще и измельчание исследовательских вопросов. О кризисе социологии последние годы много пишет Питер Бергер⁶³, некогда написавший работу «Приглашение в социологию», зазывавшую молодых людей в эту интересную и увлекательную дисциплину. Корни проблемы Питер Бергер видит именно в этом помешательстве на сциентизме и, как следствие, «методологическом фетишизме», когда используются «все более утонченные методы для изучения все более тривиальных сюжетов»⁶⁴.

Беспокойство по поводу имиджа в глазах коллег с других факультетов, тревога по поводу финансирования, которое могут не продлить или не увеличить, если хотя бы на секунду выйти из образа «настоящего ученого», делающего «настоящую науку», вполне понятны с человеческой точки зрения. Однако могут ли такие «человеческие, слишком человеческие» соображения быть приняты в качестве легитимной критики психоанализа?

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ МНОГИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТВЕРГАЮТ ПСИХОАНАЛИЗ?

В связи с нейропсихоанализом мы уже упоминали о том, что человека можно рассматривать как бы с двух

⁶³ Например, см.: *Berger P. Sociology: a disinvitation? // What's Wrong with Sociology? / S. Cole (ed.). New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2001. P. 193–204.*

⁶⁴ *Berger P. Whatever happened to sociology? // First Things. 2002. <<http://www.firstthings.com/article/2002/10/whatever-happened-to-sociology>>.*

сторон: с одной стороны, его можно рассматривать как объект, как что, как нечто сугубо физическое и материальное, подлежащее беспристрастному научному изучению наряду с прочими материальными явлениями. В нашем случае речь идет прежде всего о мозге и происходящих в мозгу процессах. С другой стороны, человека можно рассматривать как субъекта, как кто, как нечто нефизическое и нематериальное. Эта субъективная сторона человека раскрывает целое новое — собственно человеческое — измерение: это субъективная вселенная смыслов, значений, амбивалентных отношений, путанных желаний, вины, тревоги, свободно принимаемых решений. Человеческая психика покоится на материальном субстрате физиологии, в том числе и физиологии мозга, однако от этого она не перестает быть принципиально иной по отношению к своему физиологическому основанию. Что бы ни происходило в мозгу на самом деле, мир человека — это мир не сводимых к физиологии смыслов, это мир — что важно, — не замыкающийся на одном человеке, но существующий в сложном, пронизанном переносами и контрпереносами социальном интересубъективном контексте. Именно этот мир и изучает психоанализ.

Казалось бы, это самоочевидно. Но далеко не для всех. Есть такое очень странное, но тем не менее популярное мировоззрение, согласно которому никакой субъективности как особой, на что-то влияющей реальности не существует, это всего лишь иллюзия, которую в исследовательских целях можно спокойно вынести за скобки. Человек в рамках таких подходов рассматривается как машина, как биоорганический робот, компьютер, чье функционирование полностью предопределено физиологическим субстратом.

Эту позицию можно назвать вульгарным материализмом, примитивным биологизаторством, или, если совсем

серьезно, — «строгим натурализмом» (*strict naturalism*). Строгий натурализм берет верования, желания, предпочтения, выборы и проч., что составляет нашу сознательную, разумную психологическую жизнь, и объясняет все это понятиями, которые обозначают нечто несознательное, нементальное и непсихологическое.

Сторонники такого подхода отрицают любую каузальность, вытекающую из феноменов человеческого сознания и самосознания, включая и свободу воли; эти феномены должны быть обязательно так или иначе сведены к нементальным основаниям. Как пишет один из сторонников такой точки зрения:

Любое законченное объяснение ментального явления должно быть сведено к нементальным понятиям, иначе это не будет никаким объяснением. Вполне возможно объяснить одни ментальные явления другими — может быть, в понятиях веры или желания, — однако если мы ищем объяснение всех ментальных явлений, то нам все равно придется двигать эти ментальные объяснения до тех пор, пока мы не приблизимся к абсолютно нементальным понятиям⁶⁵.

Строгий натурализм

как идеальная научная философия пытается включить все аспекты реальности во всеобъемлющую объединенную перспективу, которая исключает все, что является по своей природе сознательным, психологическим или ментальным⁶⁶.

Именно это мировоззрение нередко отождествляется с научным, принимается многими исследователями по

⁶⁵ Rey G. Contemporary Philosophy of Mind. Oxford: Blackwell, 1997. P. 21.

⁶⁶ Goetz S., Taliaferro Ch. Naturalism. Grand Rapids: Eerdmans, 2008.

умолчанию как нечто естественное⁶⁷. Неудивительно, что психоанализ, который весь построен на внимании к субъективной стороне человека, который признает за психикой отдельную каузальность, который говорит о целом «психическом аппарате», являющемся неким психическим аналогом физической анатомии, который, страшно сказать, порой позволяет себе оперировать понятием «душа», вызывает раздражение и презрительное хмыканье у адептов подобного взгляда на мир.

Возьмем Даниэла Деннета, одного из самых ярких современных философов-натуралистов. Его основная работа — «Объясненное сознание»⁶⁸ — как раз и посвящена последовательному изложению «строго натуралистического» взгляда на человека. В частности, он пишет:

лишь та теория, которая объясняет сознательные события в понятиях несознательных событий, может вообще претендовать на объяснение сознания⁶⁹.

Едва ли удивительно, что книга начинается с ехидных комментариев в адрес психоанализа, представляемого как абсурдная игра на пьяной вечеринке⁷⁰.

Никто не может запретить людям придерживаться любых, даже самых безумных воззрений. В конечном счете каждый сходит с ума по-своему. Но мы должны четко понимать, что именно тут стоит на кону. Дело уже не в психоанализе, дело в отрицании человека. Это атака на человеческую субъективность, на человечность в принципе

⁶⁷ Его, кстати, очень забавно высмеял Джон Серл в своей работе «Открывая сознание заново» (*Серл Дж. Открывая сознание заново* / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002).

⁶⁸ *Dennett D. Consciousness Explained*. N.Y.; Boston; L.: Back Bay Books, 1991.

⁶⁹ *Ibid.* P. 454.

⁷⁰ *Ibid.* P. 10–16.

во имя плоских, примитивных и якобы научных подходов. Психиатрия тут оказывается в одном ряду с религией, теологией, вообще с любыми подходами, которые отстаивают человеческую сложность. Защищая психиатрию, мы защищаем не просто конкретные положения того подхода, который 100 лет назад был предложен австрийским ученым, мы защищаем нечто большее — собственно человеческое в человеке — от новых варваров от науки, любителей простоты и ножей для колки льда.

И здесь хотелось бы снова вернуться к нейропсихиатрии. Мозг и человеческая субъективность, безусловно, связаны. Можно спорить по поводу того, как именно эта связь осуществляется. Сам Фрейд считал, что мозг, подобно печке, поставляет энергию, которая затем приобретает совершенно иное качество — она становится психической энергией и приводит в движение особую психическую вселенную, существующую параллельно процессам в человеческом мозгу⁷¹. Нейропсихиатрия сегодня настаивает на гораздо более существенной связи между физиологией мозга и вселенной человека. Однако как бы там ни было, человеческая субъективность — вопреки громогласным заявлениям, например, Катрин Малабу с ее *cerebrality*⁷² — нередуцируема к мозгу. Мозг и субъективность — это две принципиально разные вселенные: что бы там в этой черепной коробке ни происходило, какими

⁷¹ См. более подробное рассмотрение данного вопрос: *Malabou C. The New Wounded: From Neurosis to Brain Damage* / transl. by S. Miller. N.Y.: Fordham University Press, 2012. P. 25–27.

⁷² Ibid. P. 25–27. Любопытна дискуссия Катрин Малабу с Адрианом Джонстоном: *Johnston A., Malabou C. Self and Emotional Life: Philosophy, Psychoanalysis, and Neuroscience*. N.Y.: Columbia University Press, 2013. Само слово *cerebrality* (от *cerebral* — мозговой, церебральный) является аллюзией на *sexuality* — тем самым Малабу как бы подчеркивает, что те процессы, которые Фрейд выводил из сексуальных импульсов, на самом деле являются производными от функционирования человеческого мозга.

бы точными измерительными приборами мы ни обладали, все равно это не даст нам ответ на вопрос, что именно происходящее значит для человека как субъекта, как это переживается им и осмысливается в сложном социальном контексте взаимоотношений с такими же, как и он, человеческими существами.

Поэтому при всей симпатии к Марку Солмзу и нейропсихоанализу нельзя не согласиться с критическими замечаниями Рейчел Бласс и Цви Кармеле о том, что даже в этом подходе при всей его важности есть опасные черты биологизаторского редуцирования, за которыми можно утратить самое ценное, что только есть в психоанализе, — внимание к человеческой субъективности.

Нейронаука, — пишут Бласс с Кармелем, — может пове­дать нам о биологии ума в процессе сна, мотивации, переживания аффектов, однако она ничего не сообщает нам об осмысленности этого биологического субстрата или же о том, как он может быть осмысленно понят и категоризирован. Ввиду того что психоанализ — это процесс и теория, движимая стремлением понять латентные смыслы и психические истины, которые определяют человеческую психику, выводы нейронауки оказываются нерелевантными для психоаналитических целей и практики⁷³.

В этом смысле нейропсихоаналитическая интерпретация Фрейда должна быть как минимум уравновешена герменевтическим подходом⁷⁴.

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ

Моя попытка разобраться в вопросе научности психоанализа так и не вывела ни на какие научные прорывы, ко-

⁷³ Blass R. B., Carmeli Z. The case against neuropsychanalysis. P. 34.

⁷⁴ Habermas J. Knowledge and Human Interests / transl. by J.J. Shapiro. Boston: Beacon Press, 1971. P. 214–300.

торые должны отбросить Фрейда на обочину истории. Наоборот, в последней четверти XX в. были сделаны открытия, подтверждающие основополагающие идеи психоанализа. Благодаря этим открытиям на наших глазах происходит сближение психоанализа как исследования человеческой субъективности с экспериментальной нейронаукой, изучающей материальный субстрат этой субъективности.

Поиск причин неприятия Фрейда, помимо банальной озабоченности статусом со стороны ряда неуверенно себя чувствующих коллег, вывел меня на крайне специфическое мировоззрение, представляющее собой вариацию на тему вульгарного материализма и биологизаторства. Это новое технологизированное варварство, которое отрицает собственно человеческое измерение человека и видит в этом свою великую добродетель и знак превосходства над менее продвинутыми современниками.

Психоанализ, безусловно, должен сближаться с экспериментальной наукой. Но должен он одновременно и понимать причины своего неприятия адептами натурализма из числа строгих наук и их гуманитарных последователей. Понимать особенность своего взгляда на человека как достоинство, которое стоит защищать во имя человеческого духа и человеческой свободы.

Uzlaner, Dmitry

Objective subjectivity: Psychoanalytic theory of the subject [Text] / Dmitry A. Uzlaner ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2021. — 208 pp. — (Cultural Studies). — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2192-2 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-2216-5 (e-book).

The main theme of the book is human being as a subject. The author explains this concept and explores the structures of human subjectivity and intersubjectivity. Psychoanalytic tradition is used as a basis for analysis. The psychoanalytic approach is placed in the context of contemporary debates on the relationship between the brain and psychical reality in the light of such an interdisciplinary approach as neuropsychanalysis. From critical analysis of neuropsychanalysis, the author moves directly to the consideration of the structures of subjectivity and introduces the key concept of this work — objective subjectivity, which is considered together with other elements of the structure of human subjectivity — objective objectivity, subjective objectivity, subjective subjectivity etc. The last chapters deal with a detailed parse of Jacques Lacan's theory of the subject, the elements of which illustrate the key intuitions for this work.

The book is intended for anyone interested in contemporary psychoanalysis, as well as in the philosophy of mind and human subjectivity.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/23835166>

Научное издание

Дмитрий Узланер

**ОБЪЕКТИВНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СУБЪЕКТА**

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

Верстка: ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА

Корректор ТАТЬЯНА ПАРКАНИ

Дизайн обложек серии: ABCdesign

ПОЛИНА ЛАУФЕР,

ЕКАТЕРИНА ЮМАШЕВА

Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

В оформлении обложки использован фрагмент
картины Пауля Клее (Paul Klee) “Zank=Duett”. 1938

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 03.11.2020. Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 8,6. Печать струйная ролевая

Тираж 600 экз. Изд. № 2416. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59

Серия
«ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ»

Готовятся к выпуску:

Ксения Сурикова
**Музей: от пространства
к смыслу**
ISBN 978-5-7598-1965-3
2021 г.

Артем Рондарев
Эта музыка будет вечной
ISBN 978-5-7598-1711-6
2021 г.

Ричард Дайер
Пастиш
Перевод с английского
ISBN 978-5-7598-2341-4
2021 г.

Серия
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Готовится к выпуску:

Майкл Мангер
**Завтра 3.0.
Трансакционные
издержки
и экономика
совместного
использования**

Перевод с английского
ISBN 978-5-7598-2191-5
2021 г.

Серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»

Готовятся к выпуску:

Питер Галисон

**Часы Эйнштейна,
карты Пуанкаре:
Империи времени**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1962-2

2021 г.

Дэнни Дорлинг,

Стюарт Гитель-Бастен

Почему важна демография

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-2103-8

2021 г.